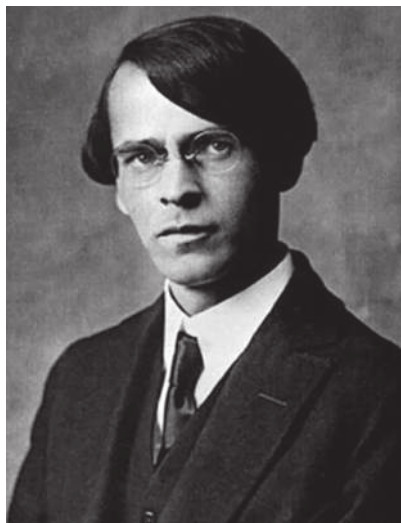

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (1886—1939) родился 28 мая 1886 года в Москве, тогда еще в Российской империи. Его детство прошло в достаточно обеспеченной семье Фелициана Ивановича Ходасевича, поляка по национальности и фотографа по роду деятельности. Самой верной женщиной в жизни Ходасевича была Нина Николаевна Берберова, поэтесса. Они познакомились в декабре 1921 года и без памяти влюбились, но законными супругами так и не стали. Вместе пережили эмиграцию и остались добрыми друзьями, расставшись в апреле 1932-го. Ходасевича сделал популярным первый сборник «Молодость» (1908). Большинство стихов, например, «За снегами», «Цветку Ивановой ночи», «Кольца», были посвящены Марине Рындиной. Тонкая и свежая поэзия привлекла издателей, и поэтому в последующие годы Владислав Фелицианович был занят литературным трудом — переводил произведения с еврейского на русский, писал критические статьи и фельетоны. Политические события 1917 года Владислав Ходасевич воспринял восторженно и даже думал примкнуть к большевикам после Октябрьской революции. Но вовремя понял — с литературой придется завязать. Окончательно сделав выбор, выпустил сборник «Путем зерна» (1920). Отправляясь в путешествие в Берлин в 1922 году, Ходасевич и супруга не представляли, что дорога на родину им отныне закрыта. В 1925 году они окончательно иммигрировали в Париж. Последней книгой Ходасевича, изданной при его жизни в России, стал сборник «Тяжелая лира» (1922). Поэтический путь Ходасевича завершило «Собрание стихов» (1927), куда, помимо уже имеющихся произведений, входили цикл «Европейская ночь» и новые стихотворения. Владислав Ходасевич не отличался крепким здоровьем: в 1910—1911 годах его мучила легочная недостаточность, в 1916—1917 годах — туберкулез позвоночника, а в 1920-м — фурункулез. Ходасевича прооперировали 13 июня 1939 года в госпитале Брюссэ. Он умер на следующий день, не приходя в сознание. Прощались с поэтом всей «белой» эмиграцией в греко-католическом храме Святой Троицы.

Минувших горестей невозвратимый хмель...

Моя страна

О ты, страна моя, насыщенная морем,
Страна безмолвных гор и величавых туч,
Струящих вечности и тайны свет священный,
Скользя по белизне твоих отвесных круч.
Я принял всю тебя: и скорбь твоих усталых,
Прохлады жаждущих, испепеленных жнитв,
И мрак пещер твоих, где сладкий хлад покоя
Встречает беглецов, презревших ярость битв.
Ты вся моя. Люблю песков твоих неярких
Струенье нежное на берегу морском
И алошь пышную цветов, что теплым утром
Трепещут, как сердца, под легким ветерком.
Впервые предо мной ты на заре открылась
В унылой наготе холмов — и вся была,
Как слабая душа, что жаждет избавленья —
Как пламя, скорбь твоя мне сердце обожгла.
В тебя поверил я. Припав к земле, я слушал
Песнь сердца твоего. На каждый холмик твой
Усталую главу доверчиво склонял я,
Из камня каждого священный пил покой.
Никто не ведает про то, что мне шептали
Твой каждый кустик, терн в расщелине скалы,
Когда, волнуемый печалью странно-древней,
Я брел долинами в часы вечерней мглы.
Когда душа дрожит пред щедростью Господней,
Как сладок ветерок твоих святых ночей!
Как сердце веселит усталому скитальцу
Среди пустынных гор напев твоих ключей!
Мать-родина! Ты нам — как мореходам гавань.
В тебе конец пустынь, покой и мирный сон.
К твоим горам бредут от всех пределов мира
Скитальцы всех времен, наречий и племен.
В плодах твоих долин — какой избыток пышный!
Как мягко шелестит в ручьях твоих вода!
Как одиночество вершин твоих прекрасно!
Как сердцем волен тот, кто добредет сюда!

За окном — ночные разговоры,
 Сторожей певучие скребки.
 Плотные спусти, Темира, шторы,
 Почитай мне про моря, про горы,
 Про таверны, где в порыве ссоры
 Нож с ножом скрещают моряки.
 Пусть опять селенья жгут апахи,
 Угоняя тучные стада,
 Пусть блестят в стремительном размахе
 Томагавки, копыя и навахи, —
 Пусть опять прихлынут к сердцу страхи,
 Как в былые, детские года!
 Я устал быть нежным и счастливым!
 Эти песни, ласки, розы — плен!
 Ах, из роз люблю я сердцем лживым
 Только ту, что жжет огнем ревнивым,
 Что зубами с голубым отливом
 Прикусила хитрая Кармен!

* * *

Когда почти благоговейно
 Ты указала мне вчера
 На девушку в фате кисейной
 С студентом под руку, — сестра,
 Какую горестную муку
 Я пережил, глядя на них!
 Как он блаженно жал ей руку
 В аллеях темных и пустых!
 Нет, не пленяйся взором лани
 И вздохов томных не лови.

Что нам с тобой до их мечтаний,
 До их неопытной любви?
 Смешны мне бедные волненья
 Любви невинной и простой.
 Господь нам не дал примиренья
 С своей цветущею землей.
 Мы дышим легче и свободней
 Не там, где есть сосновый лес,
 Но древним мраком преисподней
 Иль горним воздухом небес.

Жизель

Да, да! В слепой и нежной страсти
 Переболей, перегори,
 Рви сердце, как письмо, на части,
 Сойди с ума, потом умри.

И что ж? Могильный камень двигать
 Опять придется над собой,
 Опять любить и ножкой дрыгать
 На сцене лунно-голубой.

Поэту

Ты губы сжал и горько брови сдвинул,
А мне смешна печаль твоих красивых глаз.
Счастлив поэт, которого не минул
Банальный миг, воспетый столько раз!
Ты кличешь смерть — а мне смешно и нежно:
Как мил изменницей покинутый поэт!
Предчувствую написанный прилежно,
Мятежных слов исполненный сонет.
Пройдут года. Как сон, тебе приснится
Минувших горестей невозвратимый хмель.
Придет пора вздохнуть и умилиться:
Над чем рыдала детская свирель!
Люби стрелу блистательного лука.
Жестокой шалости, поэт, не прекословь!
Нам всем дается первая разлука,
Как первый лавр, как первая любовь.

Мы

Не мудростью умышленных речей
Камням повелевал певец Орфей.
Что прелесть мудрости камням земным?
Он мудрой прелестью был сладок им.

Не поучал Орфей, но чаровал —
И камень дикий на дыбы вставал
И шел — блаженно лечь у белых ног.
Из груди мшистой рвался первый вздох.

* * *

На тускнеющие шпилы,
На верхи автомобилей,
На железо старых стрех
Налипает первый снег.

Это сам я в год минувший,
В Божьи бездны соскользнувший,
Пересоздал навсегда
Мир, державшийся года.

Много раз я это видел,
А потом возненавидел,
Но сегодня тот же вид
Новым чем-то веселит.

И вот в этом мире новом,
Напряженном и суровом,
Нынче выпал первый снег...
Не такой он, как у всех.